

МЕНДЕЛЕЕВЦ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

♦ № 19 (1933) ♦ Пятница, 19 июня 1992 г. ♦ Издаётся с 1929 г. ♦

Цена 40 коп

П. Д. Саркисов — ректор и выпускник МХТИ — на совещании с руководителями коммерческих структур «и всех желающих» высказал (давно витающую) идею об организационном объединении всех выпускников-менделеевцев. Замысел сразу был поддержан участниками и чуть позже всеми менделеевцами, с которыми удалось поговорить до передачи заметки в редакцию.

Музей истории института уже десять лет робко собирает сведения (и все, что удастся) обо ВСЕХ выпускниках и сотрудниках, о здравствующих и ушедших.

Поддержана инициатива Обращения к менделеевцам-выпускникам через институтскую многотиражку (и листовку).

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ! ЧТОБ НЕ ПРОПАСТЬ ПО ОДИНОЧКЕ!

Дорогие, уважаемые выпускники МХТИ им. Д. И. Менделеева! (дети, внуки, члены семей менделеевцев!)

Каких бы теперь вы вершин не достигли — вы прежде всего менделеевцы! Вы пять (и больше) лет провели в стенах на Миусской!

Какой бы специальности вы не обучались, какую бы кафедру не кончили — все вы дети большого Дома, большого ВУЗа, имя которому «Менделеевка»!

Настала пора объединить всех выпускников! Институт всех вас пом-

нит, гордится вашими успехами и радуется вашим с ним встречам!

МХТИ будет рад деловому сотрудничеству и помощи выпускников — «товариществу», «сообществу», «клубу» или «ассоциации менделеевцев».

Форму объединения мы просим предложить вас самим.

Мы просим вас откликнуться на призыв института и сообщить:

— кафедру и год окончания МХТИ;

— ваши предложения об объединении и формах сотрудничества;

— адрес и телефон для связи с вами.

НАШ АДРЕС: 125190, Москва, Миусская пл., д. 9, инициативная группа «выпускники - менделеевцы».

Телефоны для связи:

258-49-59 Колесников,

258-08-61 Свитцов,

373-22-98 Аралов.

Р. С. Инициаторы вам заранее благодарны за ответ и за рассказ об идее объединения вашим ближайшим друзьям-менделеевцам!

В. КОЛЕСНИКОВ,
С. АРАЛОВ.

РЕПЛИКА!

Информационный центр нашего института периодически устраивает выставки, приуроченные тем или иным знаменательным датам. Мне эти выставки очень нравятся, более того, мне кажется, что все мы «как студенты, аспиранты, так и сотрудники, преподаватели института» должны быть очень благодарны Центру за бескорыстное обогащение нашего «духовного мира» и в этом, как и во многом другом я полностью согласен с Г. Мингалевым, автором статьи «Фридрих Ницше, Владимир Соловьев», опубликованной в «Менделеевце» 8 мая.

В этом очерке Ф. Ницше предстает перед нами, можно сказать, традиционно, как философ воинственного индивидуализма. В то же время любая крупная личность неоднозначна и мне хотелось бы обратить внимание на иное толкование философии Ф. Ницше, которое принадлежит М. Хайдеггеру.

В интервью, взятом у М. Хайдеггера в октябре 1969 г., интервьюеры, корреспондент газеты «L'Express» Ф. Товаришски и автор книги «Политические произведения Хайдеггера» Ж.-П. Пальме так представляют М. Хайдеггера читателям:

«Вас, мсье, считают последним философом западной традиции, который завершает ее и вместе с тем пытается открыть новый способ вопрошания...»

Что же говорит о Ф. Ницше этот крупнейший европейский философ Нового времени?

«Ницше поставил основной вопрос современной эпохи, вопрошая о Сверхчеловеке. Он разглядел приход времен, когда человек готовится распространить свое господство на всей земле и он спрашивал себя, достоин ли человек такой миссии, и не должна ли сама его сущность быть преобразована. На этот вопрос Ницше ответил: Человек должен преодолеть себя, стать Сверхчеловеком».

Если понимать так Сверхчеловека Ф. Ницше, то разве не такого человека так не хватает Земле в настоящее время?

И на вопрос «Не является ли эта мысль Ницше самой искаженной во всей истории философии?», Хайдеггер ответил, что «всякая существенная мысль проходит невредимой сквозь толпу хулителей».

Этой репликой мне хотелось привлечь читателей «Менделеевца» к несколько не традиционному толкованию Сверхчеловека Ф. Ницше, больше соответствующему нашему времени, и самому М. Хайдеггеру, из книги которого «Разговор на проселочной дороге» (М. Хайдеггер. М.: Высшая школа, 1991) взяты приведенные выше цитаты.

О. ПЕТРУХИН,
зав. каф. аналитической химии.

НОВЫЙ КУРС ПО ФИЛОСОФИИ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Менделеевцы, регулярно читающие нашу газету и побывавшие на прошедшей в апреле очередной учебно-методической конференции, обратили, наверное, внимание на то, что в обзоре работы гуманитарной секции конференции, опубликованном на минувшей неделе,

отсутствовало упоминание о докладе, с которым выступила от кафедры философии А. В. Щипкова. Это не случайно и не является недосмотром газеты и автора обзора. А. В. Щипкова предоставила изложение своего доклада, привлечение которого к вниманию присутствовавших на заседании, для публикации в «МЕНДЕЛЕ-

ЕВЦЕ». Планировалось опубликовать эти материалы все вместе, но обстоятельства сложились иначе. Итак, в этом номере мы предоставляем слово А. В. Щипковой, а по мере поступления материалов надемся опубликовать и другие материалы гуманитарной секции — многие из них чрезвычайно любопытны!

В настоящий момент и в течение уже двух лет на кафедре философии читаются 2 курса философии для студентов:

1. Общий курс философии (51 час: лекции — 17 час.; семинары — 34 час.) с экзаменом в конце полугодия;

2. Спецкурсы — 36 час. с зачетом в конце полугодия. В этом полугодии читались 5 спецкурсов:

1) Проблемы современной философии (В. И. Метлов, С. П. Цесарская).

2) Русская философия XIX—XX вв. (Л. В. Павлова).

3) История православия и атеизма в России (Ф. Г. Никитина, Р. М. Алейник, А. В. Щипкова, Н. А. Захарова (каф. политологии)).

4) Логика (А. В. Щипкова, Л. А. Кац).

5) Искусство общения людей (М. З. Лернер, Е. Г. Мермельштейн, И. А. Сухарьков).

В прошлом полугодии (1991 г.) были еще спецкурсы: С. А. Клишиной («История западной философии») и А. А. Мартиросяна («История химии как смена концептуальных систем»).

Великое благо в отношении расширения возможностей преподавания наконец-то начало осуществляться. Наука (упрощая понимание ради дидактического смысла, отнюдь не ней и философию), как и любовь, требует определенного пространства свободы. В противном случае бывает брак и невозможность усвоения философских истин.

Однако новый курс до сих пор шаг за шагом приходится отбивать у прежнего. Так год пришлось бороться за включение в план преподавания средневековой философии (это целое тысячелетие). (Тогда еще в единый для всех план).

Сейчас наметилась некоторая тенденция к увеличению самостоятельности. Общий лекционный курс «Философия» сейчас (1991-92 уч. год) каждый лектор читает уже по своему плану.

За отпущенные часы невозможно представить сколько-нибудь достойно историю философии и теорию философии, так что каждый делает свой акцент. Не думаю все же, что они равноценны, ибо, в особенности, изложение теории философии (если именно ее удельный вес больше), даже постановка тематики вопросов не может быть обезличенной. Отсюда — нередкое возвращение в прокрустово ложе марксизма, и оно смущает, к сожалению, не всех.

Одним из первых шагов в продвижении к новому типу преподавания философии стал

2-х томный учебник «Введение в философию» (1989) вместе с 2-х томным приложением в виде хрестоматии. Однако пользоваться студенту учебником затруднительно уже потому, что он изначально предполагался как воссоединение диалектического и исторического материализма. И в самом деле россыпи «идеологии» по-прежнему «радугой взор», включая названия параграфов типа «Все мы родом из предистории» (ч. II, с. 235) и прежним уклоном в сельскохозяйственную терминологию (рациональные зерна, ядра).

Но что вообще можно спросить с учебника, в проекте которого Бог пишется с заглавной буквы, а в тексте учебника — с малой!

Содержательно новым в нашем преподавании нужно считать выход за узкий горизонт марксизма в историю философии. То, что позволялось преподавать раньше — неестественно и даже противоестественно. Происходила глобализация одной «единственно правильной теории», философская самостоятельность которой с момента возникновения ставится под вопрос.

Начал постепенно утрачивать силу прежний императивный стиль критики современной западной философии, которую раньше предписывалось именовать современной буржуазной философией и направлять на нее набор штампов с опорой на лоснящуюся от неправедного употребления ленинскую критику махизма.

Однако мировоззренческая разногласия на кафедре требовало все большей индивидуализации общего курса.

Одна из наших трудностей — дефицит отпущенного на философию времени. Результатом неизбежно будет неполноценность подготовки. Известно, что дорогих результатов дешевой ценой не достичь. Сделав два микроскопических курса (общий и спецкурс), получим эффект одной армянской сказки, где «большая семья шапок из овцы не выкроишь никак».

В преподавании господствует не только по традиции, но и по временному ограничению европоцентризм. Дискриминирована не только восточная, но даже русская философия.

При соответствующем к ней отношении философия, ставя проблемы, сможет выполнить свое предназначение — совершенствовать сферу духа — в противовес призыву Маркса к философии о переделке мира.

А. ЩИПКОВА,
каф. философии.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЕДОСЕЕВ

4 июля 1992 года Сергею Дмитриевичу Федосееву исполнилось бы 78 лет. Внезапно ушел из жизни крупный ученый и талантливый педагог, доктор технических наук, профессор. Почти 50 лет жизни Сергея Дмитриевича связаны с Менделеевским институтом. В 1944 г. он был переведен из Военно-химической академии на 4-й курс, а в 1946 году после окончания учебы был оставлен в институте в должности ассистента. В 1951 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1964 году стал доктором технических наук.

Сергей Дмитриевич был одним из организаторов первой в мире кафедры химической технологии углерода и в течение 17 лет успешно руководил ею.

Сергей Дмитриевич бескорыстно и преданно служил науке, его научные труды вызвали интерес не только у нас в стране, но и за рубежом. Более четверти века С. Д. Федосеев посвятил проблеме газификации твердого топлива. Результаты экспериментальных и теоретических исследований в области кинетики реакций углерода с газом являются огромным вкладом в современную науку. Особая ценность теоретических исследований С. Д. Федосеева заключается в том, что они доведены до разработки методики инженерных расчетов, значимость которых в наше время особенно велика. Не каждому исследователю дано продолжить новую дорогу в науке. Сергею Дмитриевичу выпало такое счастье: он заложил основы и способствовал развитию нового направления — технологии конструкционных материалов на основе углерода. Эти материалы сейчас в значительной степени определяют научно-технический прогресс отрасли.

Несколько поколений мendeleev слушали лекции профессора Федосеева по подготовленному им курсу «Теория технологических процессов». Сергей Дмитриевич обладал редким педагогическим даром показывать слушателям физическую сущность самого сложного явления.

Под руководством профессора Федосеева успешно защитились кандидатские и докторские диссертации. Тактичный, неизменно доброжелательный, Сергей Дмитриевич был для своих учеников не только руководителем, но и другом, живо интересовался делами и заботами своих сотрудников и всегда готов был прийти на помощь в трудную минуту.

Работающие на ведущих предприятиях промышленности и в научных институтах ученики Сергея Дмитриевича успешно развивают традиции и идеи своего учителя.

Светлая память о Сергее Дмитриевиче Федосееве, крупном ученом, талантливым педагоге и замечательном человеке навсегда сохранится в сердцах его благодарных сотрудников и многочисленных учеников.

Коллектив кафедры.

Режут русское ухо — бартер, маркет, бизнес, секс, спонсор, либерализация, приватизация, тут же русифицированное в «прихватизацию». Чертополох инслов нашу мутную жизнь уж совсем загрохотал. Теперь каждый из нас, как в ночи, куда идти, не знает. Но выбор есть. Мир из двух богатств состоит — материального и идеального. Гомо сапиенс много надо — хлеба и зрелищ. Обе области беспредельно богаты и живут взаимно обогащая друг друга. С милым счастьем в шалаше — не надолго. «Шалаш» теперь требуется роскошный, а ванна в квартире не ванна, а голубоватой водой наполненный бассейн. Такие минни и макси-дворцы шестьдесят лет возводились архитекторами-академиками для партзлиты. Но даже она, наслаждаясь изысканными яствами и дарами Бахуса, «приобщалась к культуре». В наше мутное время давайте посмотрим лет на сто в прошлое. Этому помогают объявления, например, о том, что в городском саду им. Баумана открыт клуб «Серебряный век». Что это такое? Неизвестно, кто первый сказал — «Серебряный век культуры». Но понятно, автор термина (?) имел в виду и «Золотой век» русской культуры, который процветал в XIX столетии, когда А. Пушкин подарил человечеству первые золотые ценности искусства. За ним щедростью в создании культуры составились его младшие «братья» по времени рождения, дети одной матери: Гоголь род. в 1809 г., Лермонтов — 1814 года рождения, когда Пушкин был лицеистом; Тургенев — 1818, Достоевский и Некрасов — 1821, драматург Островский — 1823, Шедрин — 1826, а через два года появились на свет сразу два «братца» — Л. Толстой и Н. Чернышевский, противоположные в своих воззрениях, но оба поборники самых высоких идеалов.

Так на протяжении девятнадцати лет восемь писателей мировой известности начали свой земной путь вслед за Александром Пушкиным. Чем не одна семья? Не одной матери России дети? «Золотой век» русской литературы исследователи традиционно заканчивают А. П. Чеховым, то есть, протяженность первого отрезка расцвета литературы, огрубленно говоря, кончается началом модернизма, девяностыми годами XIX века, выступлением Д. Мережковского с «панихидой» по реализму уходящего века (1893) и попыткой Валерия Брюсова (1894) в брошюре, изданной на карманные деньги студента МГУ, проложить новый путь в искусстве.

• ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

„СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК“

В упомянутом объявлении, сад Баумана призывал стойких приверженцев пушкинского императива —

Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман — «послушать» М. Цветаеву, А. Блока, А. Ахматову и других из плеяды «Серебряного века». Как и во все эпохи и всех течений выделяются звезды первой величины. Их немало.

Кроме названных, в первом десятке — Федор Сологуб (Тетерников), А. Белый (Бугаев), Вячеслав Иванов, Зинаида Гиппиус, С. Соловьев, К. Бальмонт, М. Волошин. Обычно их разделяют на младших и старших. Это — условность. Среди «старших» выделялся «вождь» нового искусства — В. Брюсов. Двумя «шедеврами» в сборниках «Русские символисты» он убил наповал всю читающую публику. Первый опус —

О, закрой свои бледные ноги. Опус второй. Основательный.

Шорох в глуши камыша, Шелест — шуршанье вершин, Шум в свежей чаще лошин, Шепот, смущенье и дрожь, Широю и тишью живешь. Шумом в глуши камыша, Шелестом вешних вершин, Шорохом в чаще лошин.

Тему шуршащего камыша на озерной воде навеял, вероятно, Константин Бальмонт своими двумя стихотворениями: «Камыши» и «Лебедь». Не в праве лишить читателя знакомства с образом «чистой поэзии», приведу часть жемчужины «Серебряного века».

Лебедь

Заводь спит. Молчит вода зеркальная. Только там, где дремлют камыши, Чья-то песня слышится печальная, Как последний вздох души. Это плачет лебедь умирающий, Он с своим прошедшим говорит, А на небе вечер догорающий И горит и не горит. Отчего так грустны эти жалобы? Отчего так бьется эта грудь?

В этот миг душа его желала бы Невозвратное вернуть.

И когда блеснули звезды дальние, И когда туман вставал в глуши, Лебедь пел все тише, все печальнее, И шептались камыши... (1895) (Примечание: лебедь поет раз в жизни — перед смертью.)

«Серебряный век» — это не только символисты. Его обогащали и так называемые акмеисты, адамисты — Н. Гумилев, А. Ахматова, С. Городецкий, О. Мандельштам и рангом пониже: В. Нарбут, С. Ауслендер, Г. Иванов, М. Зенкевич, Ю. Верховский, В. Садовской.

Целиком вписываются в этот «век», в его кануны десятилетия перед роковой бурей семнадцатого, два светлых имени — Иннокентий Анненский, последний директор Царскосельского лицея, и Борис Пастернак, «выходец» из футуристов. Но было много скромных творцов культуры конца XIX — начала XX века, о которых упоминается, обычно вскользь. К ним относятся три сестры Бекетовы. Одна из них мать А. Блока. Старшей сестре, Екатерине Андреевне, в январе 1992 скромно отмечалось 100 лет со дня смерти. Она была переводчицей; переводила романы, повести, стихи с французского, испанского; писала прозу, рисовала, была видной поэтессой — лауреат ежегодного пушкинского конкурса, самого престижного в 80—90—1900-х гг. Подмосковная природа (район станции Подсолнечная, Шахматово, Семеновское) очаровала молодую художницу, и появился самородок.

На бледном золоте заката Чернел стеной зубчатый лес, И синей дымкою объято, Сливаясь с куполом небес,

Во все концы струилось море Уж дозревающих полей И волновалось на просторе В сиянье гаснущих лучей.

Закат потух. Но свет-нетленный Уж на земле теперь снял И на полях запечатленный Вечерний сумрак озарял.

И с вышины смотрело небо, Одевшись мантией ночной, Как волны золотого хлеба Вносили свет во мрак земной.

Екатерина Андреевна Бекетова прожила мало — 37 лет, как Пушкин и Маяковский, но она испытала великое счастье, восторгаясь, как «Биба мешал, прибегал и уносил корзинку с кистями, стакан с водой опрокинул на платье. Биба растет

ангелочек, маленькая бесценная птичка. Шалун и буян. Я его обожаю...» (Цит. «Нива России», янв. 1992, «Певец хлебного поля», ст. Г. Блюмина). Биба — ребенок Александр Блок, будущий великий поэт.

Атмосфера постоянной радости, творческого восторга, любви, полного взаимоуважения царил в семьях ректора Петербургского университета ботаника А. Н. Бекетова и президента Палаты мер и весов химика Д. И. Менделеева и между этими породненными семьями. Сколько волнений, мильных удивлений, советов, желаний вызывала жена Дмитрия Ивановича Анна Ивановна, когда училась в Петербургской академии художеств по классу Григория Григорьевича Мясоедова (1834—1911), художника крестьянской темы, и когда с отличием окончила академию!

Тогда умели радоваться и были неспособны злиться и грустить? Или не было забот, печалей, неустраиваемости, страхов? Все было. Два года 1892—1893, неурожай, голод и холера косили народ наповал тысячами, но даже сама борьба с этими грозными явлениями вселяла жизнестойкость в души борцов и организаторов победы над смертью, а их возглавляли тогда в России Лев Толстой, Викентий Вересаев, Владимир Короленко и многие миллионеры. Сила и власть «нас возвышающего обмана», мира прекрасного, идеального, прошли «веков завистливую даль», не уступая миру грубой материальности и прагматизма. Кто может возразить виднейшему поэту «Серебряного века» К. Бальмонту, повторившему признание Анаксагора (500—428 до н. э.)?

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце И синий кругозор. Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце И высй гор. Я в этот мир пришел, чтоб видеть Морю И пышный цвет долин. Я заключил миры в едином взоре, Я властелин.

Н. БУРЛАКОВ, литературовед

ТРЕНИРОВАННЫЙ МОЗГ ДОЛЬШЕ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ МЫСЛИ

Скорый ум — хорош, но и пассажирский ум неплох. Из двух полуправд одной правды не сделаешь. Только повод может гордиться своим ничтожеством. Дорога к компромиссу изобилует указателями.

Стихия любви укладывается только в рамки поэзии. Оглянись на свою молодость. Как она похорошела! Адам и Ева. Первая эмиграция из Рая.

И у евреев бывают смешные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров...

Обнадеживающие вести: лабиринты, из которых невозможно выбраться, соединяет удобными переходами.

Если не менять положения, угол зрения становится все более тупым.

Разыскиваются родители мальчика, кричавшего на улице:

«А король-то голый!»

В яйце спорили, что было раньше: белок или желток.

Кулак никогда не заменит штопора.

Злобе дня и ночи мало.

Время — деньги, временами фальшивые.

Малоутешительно, что в конце жизни черных дней остается все меньше.

Понять себя — значит почти простить другим. Если выхода нет, надо воспользоваться входом.

М. ТУРОВСКИЙ. Представлено А. Анисимовым.

(Окончание, начало в № 18)

— Это было здорово! Только почему такая ярость? Почему ты шел так, словно что-то рвалось?

Он улыбнулся, но губы не удержали улыбку. Он, видно, все-таки сильно устал.

— Вот не думал, что ты спросишь. Ты же их написал, тебе и знать все о своих стихах.

— Мне казалось, в них такого нет...

— Есть. Это, что ты видел сегодня — мелочь. Стадион мне нужен — тогда все поймут. И ты тоже. — Тут он заметил мой дикий взгляд и затормозил:

— Ну, ладно. Ты не тревожься, Поэт. Жди. Пока!

Щелкнула дверца, мотор взвыл и звук растаял в коридоре пустых домов. Ветер. И небо — серое, оловянное...

5. Ланган. Одиночество.

Два дня Ланган провел в одиночестве. И в первый же день сбежал. Все были заняты, и ему удалось уйти в лес, к реке. Он сразу же опьянел от запаха земли и трав, и повалился ничком в траву, счастливым, как никогда. Он ел ягоды — забытый вкус! Он пил холодную воду из реки, он купался, а потом долго лежал, уставая в небо. Оно было необъятным, а солнце — щедрым. Тысяча лиц реки сплеталась в легкую зыбь — улыбку. Дышалось легко, и думалось тоже.

Придя в себя, он все же оставался в беспомощности. Белой больничной комнате не было места в его сознании. Пытаясь осмыслить свое положение, Ланган испытывал только очень неприятное чувство, сродни тошноте при внезапном падении. Мысленно возвращаясь к возможным причинам болезни, он словно и впрямь падал в провал — искалеченная память ничего не выдавала. К тому же в первые дни у него сильно болела голова и было не до воспоминаний. Потом в ночных кошмарах стали выплывать отдельные фрагменты случившегося. «Амнезия», — говорили врачи. — «Кратковременная потеря памяти. Со временем вы вспомните все». Так бы оно и было, если б не Гордр. Каждый день он пытался заговорить об одном и том же: не помнит ли Ланган, что произошло? Ланган не мог взять в толк, для чего все это нужно Гордру, а потому злился и только отвечал: «отстань», «отвяжись». Гордр не давал ему ни на миг забыть о потере памяти, а именно это было так необходимо Лангану. И потому он замыслил побег. Но все же к вечеру того же дня вернулся. Одного дня вне госпитальных стен было вполне достаточно.

А на следующее утро зарядил дождь. Ланган читал, когда в окно постучали. Он встал и увидел Мадиг. В прозрачной накидке поверх белых одежд врача она показалась ему похожей на светлячка. Он открыл окно и услышал сквозь шум дождя ее голос. Она упрекала его за исчезновение, говорила что-то об ужасных последствиях. А он не разбирал слов. Он смотрел на Мадиг и вдруг почувствовал себя очень старым.

— Что вы сказали? Как вам не совестно!

Ланган не отвечал. Он всего-то сказал: «Эх вы, девочка-светлячок...», и вовсе не хотел расстроить Мадиг. Но она обиделась и ушла.

6. Аурум. Наваждение.

Музыка возникла низким звуком, дрожащим как луна в ночной воде. Широкий мазок световой кисти опустился сверху и зажег воздух вокруг Аурума нестерпимо ярким огнем. Чуть приподняв голову, он смотрел вверх, пламя рисовало маски на белом лице. Я пытался отметить еще какие-то подробности, но было поздно. Толчком мощного ритма я был сорван со своей орбиты и отброшен в бесконечность между ночным концертом и галлюцинациями. Длинные пряди огня закручивались над головой Аурума, откуда-то сыпались горячими искрами ноты. Повинуясь руке и голосу певца, вставали слова, начертанные на стекле, и тут же взрывались, осыпаясь колючей пылью. Лишь последняя строка устояла чуть дольше, подхваченная электронным эхом: «...в отблесках Черной Звезды увидишь Блистающий Мир... Блистающий Мир...»

Я очнулся в тишине. Над огромным амфитеатром ощутил дрожь воздуха, и потрясение, наконец, разразилось грохотом аплодисментов, звоном, криками, свистом. Я перевел дух и взглянул на сцену. Аурум стоял, протянув к небесам руки, на кончиках напряженно раскрытых пальцев трепетали отблески затухающего светового аккорда. Внезапно он резко поклонился, и, словно не слыша ничего вокруг, пошел прочь с площадки.

И тут я ощутил, что твердь уходит из-под ног. Заскрежатали, сдвигаясь, пространства, лицо Аурума вдруг придвинулось — белое, в расплавленном гриме, — и тут же ушло далеко, как в перевернутом бинокле; пойманные в невидимое перекрестье, метнулись его глаза. Меня словно ударило взрывной волной, оглушило, и мгновенная жестокая тоска прошла под сердцем как нож. Аурум шатнулся. За шаг до этого — я понял — он был мертв. Его тело медленно коснулось земли.

7. Гордр. Откровенный разговор

Когда Ланган вернулся с завтрака, машина уже отъезжала от дверей коттеджа. Смутно волнуясь, Ланган вошел. Гордр даже не шевельнулся. Через все его лицо, закрывая до половины, шла плотная повязка. Ланган хотел было что-то сказать, но взглянул на стиснутые сухие губы соседа и только вздохнул. Сначала ему было просто неловко: вроде бы и не один он в комнате, а тишина такая, что в ушах звенит. Потом молчание Гордра стало раздражать его. Почему-то он был уверен, что тот не спит и не без сознания. День тянулся нескончаемо, и Ланган решил лечь спать пораньше. Но едва задремал, как Гордр окликнул его:

— Ланган, ты не спишь?

«Начинается», — подумал Ланган не то злобно, не то с облегчением — и сам не понял

Юлия САНДЛЕР

себя.

— Нет, не сплю. Тебе плохо?

— Да. То есть нет, я хотел сказать — не спи. Мне нужно поговорить.

— Ну?

— Не злись. Это очень важно. Скажи — неужели ты так и не вспомнил ничего?

Лангану показалось, будто внутри него разорвалась бомба. Он задохнулся от ярости, но осекся, поглядев на забинтованное лицо Гордра.

— Послушай, для чего тебе это нужно? — он старался говорить как можно спокойнее.

— Да уж нужно, — уклонился Гордр. — Ну, так как?

— Ничего я не вспомнил. И вообще...

— Мне нужно, чтобы ты это сделал.

У Лангана отвисла челюсть. Ничего себе!

— Я обязан прямо сейчас удовлетворить твоё любопытство?

Гордр издал странный звук — не то всхлипнул, не то вздохнул сквозь зубы.

— Послушай, это не любопытство. Я же сказал — очень важно. И для тебя тоже. Ты должен прямо сейчас... Сосредоточься, слышишь?

— Хорошо. Я попробую, — и Ланган, удивляясь своей покорности сумасшедшему, закрыл глаза. Но в памяти всплыло только какое-то розоватое сияние, мешая собраться в волевое усилие. Нет, побойсь! Его вдруг захватил азарт, попытка поймать неуловимое...

— Ну?

— Погоди, погоди... Вот... Вот она!

— Что? Что ты видел?

— Кажется... нет, точно — воронка! Огромная дыра!

— И ты знаешь, что это было?

— Да кто же ее сейчас разберет! Что гадать без толку? Неужто все из-за нее?

— Почти. А теперь слушай внимательно. Я все время пытался выяснить — дурачился ты меня, или в самом деле все забыл. Сейчас понял: ты и впрямь без памяти. Ведь ты же ее первый заметил, ты кричал: «Смотри! Она притягивает нас!». Эта дыра... За нею могло быть что угодно, даже другая Вселенная. Но я...

— Что? — Ланган насторожился. — Что ты?

— На меня будто холодом оттуда повеяло. Я понял — нам этого никогда не постигнуть, это выше нашего разума. Что-то необъяснимое — страх и даже хуже страха.

— Идиот! — Ланган вскопился, схватившись за голову, застонав в тоске, — ох, и скотина же ты...

— Остынь, — в голосе Гордра была насмешка. — Ты тогда голову потерял, ничего вокруг не видел, как же, такое открытие! Да. Я дал команду на высвобождение энергии. Можешь думать обо мне, что хочешь. Я своей вины не отрицаю.

Гордр умолк. Ланган снова покосился на него. Бинты, бинты — только подбородок наружу. Как же так? Ведь он

же сам, выходит, виноват в том, что лежит тут... такой. Зачем он сделал это? Опыт загубил, сам искалечился, все нужно начинать сначала. Но хуже всего было то, что Ланган отнюдь не был уверен в себе — в том, что, взгляды тогда повнимательней в «дыру», решился бы продолжать эксперимент. «Может быть, Гордр и прав», — думал он, глядя на неподвижный белый кокон. — «Но все же... какая тоска теперь...» Так он и уснул, сидя у окна, уронив голову на холодный подоконник.

8. Поэт. Пленник Земли.

Его не столько изменила смерть, сколько жизнь — та, что продолжалась. Она диктовала некий распорядок, втискивая мертвого в его рамки. С лица небрежно стерли грим. Закружили глаза, не разглядев последнего видения. Руки Аурума безвольно лежали вдоль тела, и насильно разжатым пальцам не было опоры на скользком металле стола.

— Мы провели предварительное исследование. Но можно сказать с уверенностью — в крови его не было никакого яда: ни алкоголя, ни наркотиков. Такое впечатление, будто ни с того ни с сего перестало биться сердце...

— Он не был наркоманом, — безотчетно пробормотал я.

— Охотно верю. Нынче здоровый образ жизни в моде. Однако слухи поползут, будьте уверены...

Врач говорил легко, почти болтал, а я смотрел на Аурума. Как быстро он стал чужим этому миру! Даже лицо у него теперь равнодушное, будто и не было на нем отметины странной гибели. Как тут поверить в скрепление миров, в сдвинувшиеся пространства! Но я верил — потому что знал, отчего мой друг навсегда неподвижен и бессловесен. «Черная Сверхновая» погубила его. Я понял, что он тоже видел ее в ту ночь. Но я был оглушен бессонницей и болью, а он разглядел все. Он хотел докричаться до того — или до тех, — кто чуть было не возник в нашем мире. Он сделал из песни код, музыка впитала энергию, тысячи людей подхватили его порыв, как гигантский усилитель! Но было уже поздно остановиться самому...

И вот он мертв, и мое наваждение исчезло, я скован Землей. Что же делать мне? Что делать?!

9. Гордр. Прозрение.

Он был окружен тишиной и темнотой. Раньше, когда он еще мог видеть, то часто размышлял о том, что же такое полная слепота. И всякий раз не в силах был представить себе этого. А теперь — вот она. Гордо словно нарочно не отдавал себе отчета в том, что не слеп, что темнота — это только повязка на глазах. Так и должно быть, тьма всегда давит, и кажется, будто не подняв век. Сумасшедший, вступал иногда другой, трезвый голос, ты просто сумасшедший. Придет время — ты будешь видеть. Это всего лишь бинты. И сам себе возражал: нет. Луч-

ше мне думать, что это навсегда. Не так страшно будет, если... Если ничего не выйдет. Гордр привык считать себя незрячим и стал замечать, что во мраке все прочие чувства обострились необычайно. Деревья в парке шептались на разные голоса, песок и камешки поскрипывали под ногами прогуливающих там людей. Ночью в окно влетал ветер — пальцы Гордра вздрагивали, отвечая ему. Еще была тишина, совсем особая тишина молчания. Ланган не разговаривал с ним. Однако дело тут было, видимо, не в обиде. То, что раньше представлялось Гордру злой струной, натянутой между ними, исчезло. Что-то происходило с Ланганом; комната теперь была полна бумажного шороха и легких вздохов, когда Ланган стремительно двигался от двери к окну и назад, заставляя плясать короткие воздушные вихри. Гордр думал: «Вспомнил, что к чему. То-то доволен, днем и ночью пишет...» А сам терпеливо ждал, несмотря на черные мысли.

Он сразу же понял — пришел этот день. Дробным стуком женских туфелек, тяжелым шорохом и скрипом мужских ботинок наполнился мир. Сердце его рвалось из-под ребер, воздух жег сухое горло... А шаги все ближе, ближе, толчок — открывается дверь, что же будет?

Прохладные руки приподнимают его голову. Шуршат бинты. Еще немного... Всел! И не поднимать век?!

— Закройте, пожалуйста, шторы!

— Нет! — кричит Гордр. — Нет! Ланган, оставь, не надо!

В пол-окна — огромный багровый шар. И черная лохматая тень — конечно, это Ланган. И тут же падает штора.

— Опять темнота...

Все молчат. Ему жарко. Лицо горит. Щеки касается такая же горячая ладонь, и голос Лангана произносит:

— Ничего страшного. Ты видишь, дружище. Это солнце. Просто очень яркое солнце...

10. Поэт. Клятва.

Но ведь это когда-нибудь вернется ко мне! Это наваждение, эти слова... Стихи снова возникнут из ничего, как заклинание, я снова увижу Черную Сверхновую. Тогда, клянусь, я разобью стекло и пройду по лучу, не сорвусь, не лягу, впечатавшись в текущий асфальт. Я уйду — и вернусь с ответом.

11. «Мы вернемся туда»

Гордр устроился на перилах террасы и сосредоточенно размышлял о том, что любопытство — страшная штука, оно сильнее многого в человеке. Ланган сидел за столиком и писал письмо. Солнце лежало пятнами на листьях. Сладко пахло горячими травами осени. Наконец Гордр не выдержал.

— Послушай, Ланган!

— Угу, — пробормотал тот, не отрываясь от письма.

— Ланган, мы вернемся туда?

Сказано это было с такой небрежностью, за которой уже нет самого вопроса. Ланган вскинул голову, глядя на Гордра не без изумления. Помолчал и произнес медленно и так же уверенно-небрежно:

— Пожалуй...

МЫ ТОРОПИМСЯ ЖИТЬ...

Кира ЧЕКМАРЕВА

Пока я не приведена к концу

Всего, чему назначено

не сбыться.

Пока еще читаю по лицу

Теперь давно исчезнувшего

принца,

Пока стою на ненадежном льду,

Наигранно-спокойно улыбаясь,

Пока лечу, пока — иду,

Пока — ползу, за выступы

цепляясь,

Пока еще разыгранный сюжет

С успехом собирает четверть

зала,

Пока еще я вижу свет

В конце тоннеля — не на дне

бокала,

Пока еще — в траве или

в снегу —

Я у костра любого отогреюсь,

Пока не проводить еще могу

Границы между «верю» и

«надеюсь»,

Все, что должно — произойдет

сейчас,

Столетьем раньше

И столетьем позже,

И если ты не существуешь,

Божье,

В последний раз

Я обернусь открыто на Восток

И отыщу глазами синий дотос...

Пока еще не воцарился Логос —

Единственное наше божество...

5 апреля 1990 г.

Мы торопимся жить,

Мы торопимся быть

и остаться.

Память прошлого чит

имена непрошедших минут.

Ах, на скольких фронтах

нам придется еще

расстараться,

Понимая, что вслед нам,

наверно уже не придут.

Мы приходим под шум

ослепительно-бешеных

молний,

А уйдем в тишину

рассекаемых надвое ив.

И забывших о нас станет

больше,

чем тех, кто нас вспомнит,

И когда-то сокрут,

всех подробностей не

сохранив.

Покривят зеркала —

не душой, но поверхностью

гладкой,

Отражения нас

прочно стерты глазами

других.

Замутившийся было родник

снова в полном порядке —

Только не узнаем

мы себя в жертвенных

чужих.

И тогда нас, покрытых

сияющей краской забвенья,

Притворившимся точкой

в конце малозначащих

строк,

Возвратят навсегда

из постылого оцепененья

Семь изысканных нот

и немного хрошающий слог.

Мы торопимся жить

и сказать, что еще

не успели,

И торопим полет,

доводя до абсурда

маршрут.

Позабудутся те,

кто надменно нас знать

не хотели.

И тогда нас спуют.

Вот тогда нас, наверно,

спуют!

12 июля 1989 г.

АНГЛИЙСКИЕ ШПИОНЫ В НАШЕМ СПОРТЕ

(Начало в «Менделеевце» № 4 (1821), 1992)

О том, что этот омерзительный тип нашей истории — шпион — народ узнал 24 декабря 1953 года, прочитав в «Известиях» приговор Верховного Суда СССР, где говорилось, «что начало преступной деятельности и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени Гражданской войны, когда в 1919 году Берия Л. П., находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентскую должность в разведку контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане, действующую под контролем английских разведывательных органов».

Тяжелый стиль судебного документа, суровый, справедливый приговор палачу. Приговор приведен в исполнение...

А был ли Берия английским шпионом — пусть историки ломают головы, а вот в футболе он тоже изрядно насолил, о чем болельщики составят пометку и поныне.

Во-первых, сам он играл в футбол — это так же достоверно, как и то, что главный палач занимался А-бомбой, был секс-пиратом (см. довардеповские тексты Евг. Евтушенко).

Во-вторых, Берия «курировал» футбол в обществе «Динамо», патронируя московский и тбилисский клубы. В Тбилиси даже Республиканский стадион долгое время носил имя Лаврентия Берия.

В игре был горяч и жесток: в 20-х годах тифлиссцы играли в Краснодаре, и судья М. Мержанов выгнал с поля горячего хавбека еще в первом тайме. Но в перерыве ему что-то тихо шепнули на ушко, Мартын помчался с извинениями и спешно самоизменил правила футбола, лично вывел Лаврентия на второй тайм. По свидетельству друзей, Мартын Мержанов помнил об этом своем решении всю жизнь (и в

мировое время, и на войне) и ждал...

«Дьявол в обличье Берия», — вспоминал патриарх футбольной Москвы Николай Петрович Старостин, — «включил часы моей судьбы. Время пошло... (Патриарх действительно любит клюкву, а его литературный писарь А. Вайнштейн мотает тексты на лишний гонимый рубль, как бабку из провинции московский таксист)... В тот раз он представил меня своей свите: — Это тот самый Старостин, который однажды убежал от меня в Тифлисе. Довольный произведенным эффектом — ни я, ни его окружение не знали, как реагировать на услышанное, он напомнил мне давно забытый всеми матч».

Этот монолог Палача на катке Патриарших прудов напомнил спартаковцу о междоусобице в 20-х годов Тифлиса — Москва, сыгранном еще до регулярных клубных турниров СССР. В составе хозяев-тфлисцев играл грузин, не очень техничный, грубоватый левый полузащитник. Это был Берия. Н. Старостин играл правого края в нападении москвичей, игрок он был быстрый, резкий, жесткий, отнюдь не «колобок-краек». Естественно, что они постоянно сталкивались в единоборствах на краю, себя шадить было не принято. Старостин добавляет — «правда, при моей тогдашней скорости не составляло большого труда его обыграть, и во втором тайме я действительно убежал от него и забил гол».

Вот это вспоминали на катке Патриарших прудов каждый о своем — Большой Игрок и Страшный Палач. Вероятно, где-то у статистов футбола есть точные данные о том матче, но сомнений в памяти футбольного патриарха ни у кого нет: проверено временем. Думается, что бойкого записчика он проверял...

ЗАМЕТКИ БОЛЕЛЬЩИКА

Один из известных футбольных скандалов, организованных Берия — переигровка полуфинала Кубка СССР 1939 года, «Спартак» выиграл и второй полуфинал после победы в финале.

Дьявола для парней из старинного московского клана охотников-крестьян продолжилась с 1940 года в краях не столь отдаленных: Инте, Норильске и др. Напомню, что младший из братьев Старостинных — Петр, в довоенные годы учился в Менделеевске. Это было престижно. Думаю, что в кладовых у С. С. Аралова есть документы о нем.

Утверждают, что Берия очень раздражали неудачи (именно так) 38 и 39 годов московских динамовцев в чемпионатах страны. Подумывали даже сменить название — языковеды раскопали, — что «Динамо» — не только сила в движении (М. Горький), но и «Динама» — на языке зевков, пария среди парней, отверженный среди отверженных писатель Б. Ширяев после заключения в СЛОНе. В 1940 году «Динамо» выправило, а после войны дьявол от футбола нашел себе противника более достойного, почти равного в лице самого юного генерала «всех времен и народов».

Последнее, что осталось в футболе от английского или «английского» шпиона — невольный, на наш слух, каламбур в нынешнем названии тбилисского «Динамо» — «ИБЕРИЯ», да бесконечные стишки, да частушки в московских газетах — вроде «Что за праздник у ребят Ликует пионерия Это к нам пришел в отряд Лаврентий Палач Берия» («МК» № 16313).

Но, о футболе ни полслова.

П. Е. СЪЯНЕ.

Летом 1941 года одна из наших армейских группировок, благодаря вопиющей безграмотности некоторых бездарных сталинских генералов, была окружена в Новгородской области под деревней Мясной Бор и почти полностью уничтожена. Самодельные отряды местной молодежи продолжают находить и предавать земле останки погибших вплоть до нынешнего лета, т. е. спустя полвека после этого трагического сражения.

(Из газет).

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ

Там, возле Бора Мясного,
В гibelной чаще лесной,
Возле обрыва крутого
Все зеленеет весной.
И по законам природы
Вновь зазвенели ручьи.
Вымыли внешние воды
Чья-то там косточки. Чьи?
В болотах, а не на погосте,
Полвека спокойно лежат
Умытые белые кости
Тем летом погибших солдат.
Иволга крикнула звонко
В зарослях дальних кустов.
Не пришла из войны похоронка
На любого из павших бойцов.
Снова трава зеленела
На кровью политой земле.
Армия наша сгорела
В этом немецком котле.
Косточки травы колышат,
Вьюги зимою метут.
Мало отсюда кто вышел,
Многих оставили тут.
Кто вспоминает, как это все было
В тот грозный, отчаянный год?

Как злая война вас убила
Среди здешних полей и болот.
Никто не приходит к вам
В гости.
Безжалостный мир вам не мил —
Лежат ваши белые кости
В земле без крестов и могил.
Горькие, женские слезы
Павших омыть не смогли.
Грустные только березы
Знают, где вы полегли.
Стихла кровавая трезина.
Мирная жизнь потекла...
До сих пор наша Отчизна
Вас с хоронить не смогла.
Белеют солдатские кости
На разных дорогах войны.
Нет их могил на погосте
И нет в этом ихней вины.
Матери их не дождалась
И жены устали их ждать.
А белые кости остались
Забывшими
в поле
лежать.

Б. Ж.

Второй московский международный фестиваль студенческих театров, состоявшийся в мае, продемонстрировал пример совместного творчества, дружеского общения, радости, улыбок и многих незабываемых минут. Теперь можно с полной уверенностью сказать, что утвердилась новая замечательная традиция проведения таких молодежных фестивалей.

Студенческий театр — это по сути своей студийный, любительский театр, он отличается новаторством и смелостью творческих замыслов, сценической экспериментальностью. Отсюда исходят те новые идеи, которые необходимы искусству, в частности, театру. Поэтому появился фестиваль, помогающий возрождению международного движения студенческих театров. Первый форум был проведен в январе 1990 г., и вот через

два года удалось устроить с большим трудом второй. Со своими спектаклями приехали участники из Франции, Финляндии, Чехословакии, Грузии и пр. А открыл показ хозяин сцены, организатор и вдохновитель — труппа студенческого театра МГУ — постановкой по одноименной пьесе Нины Садур «Чудная баба», где причудливым образом в сюжете переплетаются наша повседневная действительность и жизненная философия героев. Артисты из Стразбургского университета (Франция) представили на суд зрителей классический театр абсурда — пьесу И. Ионеско «Лысая певица», главный художественный принцип которой заключается в непонимании содержания. В течение фестивальной недели были показаны спектакли: «Пиромания» («Моде-нохе» Грузия), «Перформанс» (Чехословакия), «Эдмонд Кин» («Встреча» Кемеровского университета), получивший главный приз, «Самозащита сумасшедшего» А. Стринберга (Финляндия). Каждый из участников показал свои возможности, смог поделиться с другими своими находками и сделать этот праздник незабываемым.

Елена ТЕРЕХОВА.

МИР ПОД ЗЕМЛЕЙ

Куда пойдет рядовой менделеевец после занятий? В кино, домой, на свидание или досдавать очередной хвост. Все это здорово (конечно, кроме последнего). Вот и ребята из секции спелеологии поступают точно также, за исключением тех случаев, когда не проводят свои собрания в пустых аудиториях. Спелеология — наука о пещерах (от греч.: «спелео» — пещера). Хотя сейчас это понятие включает в себя науку, спорт и туризм. В МХТИ секция спелеологии существует сравнительно недавно, а во главе секции стоит Алексей Рычагов, студент факультета ТНВ. Сама секция насчитывает, как признался мне Алексей, около 35 человек. Из них 15 из МХТИ, а остальной народ из других московских вузов.

— Леша, а чем вы вообще занимаетесь? — спрашиваю я у Алексея.

— Ну вообще мы в пещеры ходим.

— А вот, кстати, какая самая-самая большая пещера на свете?

— Ну, это — понятие растяжимое. Самая глубокая пещера — Жан-Бернар во Франции, ее глубина 1542 м, а наибольшая по протяженности — Мамонова пещера в США, ее длина 500 км. Пещеры — единственные «белые пятна» на

Земле, и неизвестно сколько еще подземных лабиринтов не исследовал человек. Поэтому спелеология таит в себе столько загадок.

— А давно существует спелеология?

— Она начала развиваться в 60-х годах, и первые спелеологи в прошлом были альпинистами.

— Слушай, наверное страшно спускаться в пещеры: лютые мыши, на голову постоянно что-то сыпется...

Ну, это уж ты чересчур. Что, во-первых, на голову тебе не сыпется и страшного тоже ничего нет. Трудности — это заводченности и узости, которые могут быть примерно 17—19 см и их приходится преодолевать. Насчет заводченности много. В некоторых случаях спелеологи по 2 недели отсиживаются на узкой полочке, а я до сих пор вспоминаю пещеру «Московская» на Кавказе.

— Что так?

— Понимаешь, в этой пещере часто начинается внезапное наводнение. Однажды, когда я собирался вылезать из колодца глубиной 17 метров и уже пристегнулся к веревке, вдруг услышал удар ветра и из колодца хлынула вода и полетели камни. Я и мой друг схватили

уцелевшее снаряжение и бросились в верхнюю галерею. Там были еще трое. Мы нашли полочку 2×3 м, поставили палатку и отсиживались 12 час. Вода не дошла до нас буквально несколько сантиметров.

— Господи, и что же вы делали?

— Курили, кофе пили... А потом в гидрокостюмах выбрались на поверхность. В общей сложности в пещере «Московская» мы тогда провели 40 ч без сна.

— Да удовольствие...

— Кстате, за это удовольствие, т. е. за посещение наших пещер иностранцы — бельгийцы, итальянцы, французы готовы платить валютой.

— Это хорошо. Но, как я тебя понимаю, пещеры — это что-то вроде замка: галерей, залы...

— Да, это не просто замки — это целый мир. Например, подземные реки, не уступающие по длине и глубине наземным, потрясающие по красоте столбчатые и сталактиты — словом целая жизнь, только более таинственная, нежели наша.

В секции МХТИ за месяц обязательно два похода. В них ребята тренируются в скалолазанье и прочих нужных вещах. А на зимние каникулы 13 человек поехали в Крым

на плато Караби-Яйла. Там была такая пурга, что девушек валило с ног. Правда, выглянуло солнце и был несравнимый ни с чем, по красоте, вид. Сейчас идут тренировки и лекции, которые закончатся походом в конце июня на Кавказский хребет в пещеры Гигантов. Туда берут не всех, а только самых сильных, выносливых и опытных — словом, самых-самых. Эти же самые-самые едут в августе в район горы Фишта, высотой 2,5 тыс. м. Под землей течет огромная река Фиштинского ледника, куда она уходит — неизвестно. Эта гора хранит в себе много тайн. Нам рассказывал местный пастух: «Фишт он внутри пустой. По нему идешь, а он гудит... Больше ничего сказать о горе я вам не могу, потому что Алексей говорит, что это тайна. Но одно он все же сказал:

— Если кто-то захочет попать к нам в секцию, то придется подождать до сентября. За это время я собираюсь «очистить» секцию от людей, не хо-

дящих в походы. И еще. У нас нет статуса организации. Ни одна туристическая секция не существует без помещения. Куда я только не обращался! Если меня услышат «силы мира сего», то наша группа будет рада привести в порядок любое предоставленное помещение.

Сказал и уехал в Абхазию на 10 дней со своими спелеологами. На мои намеки, о том, что там вроде стреляют, он отвечал: «Стреляют везде, а там, куда мы — все о'кей». И улыбался успокаивающей улыбкой. Ребята из его группы — очень дружные и веселые люди, думают также как их командир, и мне остается только пожелать им всего самого лучшего. У них лишь одна просьба, и я надеюсь, им все же помогут. Тем более остальные они делают сами, и еще... Они так любят свое дело. Даже мне после трех часов беседы представлялись то сталактит, свисающий с потолка, то река, текущая в неизвестность.

В. НИКИТЧЕНКО.

Главный редактор — Л. П. КАРЛОВ

Редактор — О. Б. ОРЛОВА, выпускающий редактор — Э. Б. МЕДОВАЯ

ЗАСЕДАНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ЧЕТВЕРГАМ
С 16 ДО 17 ЧАСОВ

Типография МХТИ им. Д. И. Менделеева. Адрес редакции: Москва, Миусская пл., 9. Телефон 258-88-57

Заказ 355